

В конце концов, Бай Гуанлинь занимает особый статус, и вокруг него должны быть охранники семьи Бай, чтобы защищать его безопасность.

Ин Хунье тоже так думала.

Увидев, что Бай Гуанлинь не действует, Ин Хунье нахмурилась и сказала: "Бай Гуанлинь, ты на самом деле попросил охранника издеваться над большим и малым ради тебя. Это нарушило правила Храма Сюаньду. Ты хочешь пойти в Дисциплинарный зал, чтобы получить наказание?"

Бай Гуанлинь был настолько разъярен, что чувствовал, будто не может смыть себя, даже прыгнув в реку бессмертных. Он гневно закричал: "Ин Хунье, о чем ты говоришь? Охранникам не разрешено подниматься в Храме Сюаньду. Это железное правило. Как я мог его нарушить?"

Ин Хунье сомневалась.

Храму Сюаньду не разрешается ученикам оставаться на горе с охранниками.

Как первый в мире орден бессмертных, аура Сюаньду Гуань самая сильная в мире, и условия для культивирования, естественно, самые лучшие.

Эти удобства открыты только для своих людей в Храме Сюаньду и никогда не будут бесплатно предоставляться посторонним.

Кроме того, правила Сюаньду Гуань всегда заключались в том, чтобы внутренне разрешать конфликты между людьми одного поколения, и никогда не позволялось издеваться над малышом Сюаньду Гуань.

У Ин Хунье раньше был даосский охранник, но из-за правил Храма Сюаньду она присоединилась к Храму Сюаньду в одиночку.

С поверхностной точки зрения, Бай Гуанлинь должен быть таким же.

Но Бай Гуанлинь все-таки является младшим сыном Феи Лин Луна.

Разве правила Храма Сюаньду могут их сдерживать, но могут ли они сдерживать Бай Гуанлинь почувствовал эти сомнения и стал еще более злым: "Вы мне не верите? То, что я сказал, - чистая правда."

Ли Даоян с презрением усмехнулся: "Ты знаешь людей, но не знаешь их сердец. Я думаю, ты лицемер, который обманывает мир и крадет свою репутацию. К счастью, Чанцэн очень силен. Если бы это был я, меня бы уже убил твой скрытый удар."

Бай Гуанлинь, который был настолько разъярен, что немного увлекся, выпалил: "Ли Даоян, ты ищешь смерти."

Ли Даоян вздрогнул и сразу же достал защитный талисман: "Все видели, Бай Гуанлинь мне угрожал. Если со мной что-нибудь случится, это обязательно дело рук Бай Гуанлиня."

"Ты..."

Глаза Бай Гуанлиня покраснели.

Но он с силой подавил свой гнев.

Это заставило Цзи Чанцэна немного больше уважать его.

Молодые люди никогда не сталкивались с таким. Нормально, что они теряют контроль над эмоциями и не умеют с ними справляться. Но если они могут вовремя справиться со своими эмоциями, это показывает, что у этого человека большой потенциал стать старой серебряной монетой.

Действительно нельзя сберечь.

Бай Гуанлинь не знал, что Цзи Чанцэн углубил свои мысли о его убийстве. Он глубоко вздохнул и спокойно сказал: "На этом все. Раз у всех разные мнения, давайте доложим в Дисциплинарный зал и попросим Дисциплинарных старейшин восстановить справедливость."

Услышав, что сказал Бай Гуанлинь, зрачки Ин Хунье немного сузились, и он бросил взгляд в сторону Цзи Чанцэна, наконец подтвердив, что на этот раз Бай Гуанлинь, возможно, действительно был одурачен.

Прежде чем Ли Даоян успел отреагировать, он также выпалил: "Кто не знает твоего происхождения? Дисциплинарный зал будет применять закон беспристрастно?"

Ин Хунье подняла ногу и пнула Ли Даояна, а затем отчитала его тихим голосом: "Будь осторожен в своих словах."

Ли Даоян скривил губы: "Верно, это был очевидно Бай Гуанлинь, который это сделал."

Бай Гуанлинь не захотел продолжать разговаривать с Ли Даояном. Он просто бросил на Цзи Чанцэна полный ненависти взгляд, а затем кивнул одному из мужских последователей рядом с ним: "Пойди и спроси старейшину по обеспечению правопорядка в Дисциплинарном зале."

Цзи Чанцэн, чье лицо было золотистым, как бумага, и кровоточило в уголке рта, "с трудом" подошел издалека и затем передал сообщение Ин Хунье: "Кто является старейшиной по обеспечению правопорядка в Дисциплинарном зале?"

Выражение Ин Хунье не изменилось, и он также передал сообщение: "Я член храмового наставника, но старейшина по обеспечению правопорядка в Дисциплинарном зале всегда применяет закон беспристрастно."

Цзи Чанцэн почувствовал себя немного спокойнее.

Он прямо проигнорировал последнее предложение Ин Хунье.

Просто те, кто смотрят на хозяина.

Ин Хунье, должно быть, увидела правду, но это неважно.

Старейшины по обеспечению правопорядка в Дисциплинарном зале могут естественно видеть правду, но это неважно.

Важно то, что ненависть между смотрящим и семьей Бай непримирима.

И он определенно на стороне смотрящего.

Это не игра в азартные игры.

Это была правда, которую он понял после двух лет работы в конце вселенной в своей предыдущей жизни.

...

вскоре.

Старейшины по обеспечению правопорядка в Дисциплинарном зале прибыли на место происшествия.

По дороге сюда они уже знали, что произошло.

Прибыв на место, он сразу же посмотрел на Цзи Чанцэна.

Затем уголок его глаза дернулся.

Правда очевидна.

Потому что Цзи Чанцэн использовал иллюзию.

Он даже не хотел действительно навредить себе.

Учитывая нынешний уровень культивирования Цзи Чанцэна на поздней стадии основания, для иллюзий обмануть присутствующих учеников вполне нормально, но невозможно ускользнуть от глаз старейшин по обеспечению правопорядка в Дисциплинарном зале.

Увидев появление старейшины по обеспечению правопорядка, Бай Гуанлинь обрадовался. Он первым отдал салют, а затем быстро сказал: "Старейшина, пожалуйста, восстановите справедливость для меня."

Старейшина по обеспечению правопорядка снова пристально посмотрел на Цзи Чанцэна, а затем его выражение стало холодным: "Это просто чушь!"

Выражение Цзи Чанцэна не изменилось.

Бай Гуанлинь выглядел счастливым.

Но следующие слова старейшины по обеспечению правопорядка сразу же заставили Бай Гуанлиня почувствовать мрачность и сложность реального мира.

"Я применяю закон беспристрастно и не проявляю фаворитизма. Прежде чем я пришел, кто-то ходатайствовал передо мной и просил меня оказать тебе некоторое облегчение. Но если я не накажу тебя малыми наказаниями и большими предупреждениями, я не знаю, не совершишь ли ты в будущем большую ошибку. Бай Гуанлинь, отныне ты будешь находиться в затворничестве в пещере в течение трех дней в качестве предупреждения. Если ты сделаешь это снова, то будешь сурово наказан."

Бай Гуанлинь был ошеломлен: "Старейшина, я был несправедливо обвинен."

Лицо старейшины по обеспечению правопорядка потемнело, и его тон был недружелюбным: "Ты дерзок. Раны на теле Цзи Чанцэна очевидны. Ты что, оспариваешь следующие преступления и клеветешь на себя?"

Бай Гуанлинь не боится старейшины по обеспечению правопорядка. В конце концов, он - младший сын Феи Лин Луна. Хотя старейшина по обеспечению правопорядка выразил свою позицию именно так, Бай Гуанлинь просто поднял голову и с гневом сказал: "Я не принимаю этого!"

Старейшина по обеспечению правопорядка не стал с ним разговаривать, а взмахом рукава увел Бай Гуанлиня на Пик Янься и запечатал его в пещере.

Все последователи Бай Гуанлиня, естественно, в отчаянии разбежались.

Ли Даоян светился от счастья: "Старейшина по обеспечению правопорядка ясно все понимает и беспристрастен. Я позже пришлю ему знамя."

Ин Хунье: "..."

Она с изумлением смотрела на Цзи Чанцэна, чувствуя, что многому научилась.

"Младший дядя, ты можешь помочь мне разрешить мои сомнения?"

Цзи Чанцэн спокойно сказал: "Я давно понял одно - правда не важна, важно занимать чью-то сторону!"

<http://tl.rulate.ru/book/106899/3856489>